

М. Н. Толстая (Москва)

Энклитизация личных местоимений в украинских закарпатских говорах

0. Современные закарпатские говоры относятся к группе славянских языков, в которых сохраняется грамматическая система вакернагелевских ранжированных синтаксических энклитик, относящихся к сказуемому. По закону Вакернагеля такие энклитики стремятся занять место в первой тактовой группе предложения¹ (Jakobson 1935/1971; Franks, King 2000: 194–201; Толстая 2000; 2012)².

В славянских языках энклитиками группы сказуемого (= фразовыми энклитиками) являются, с одной стороны, фразовые частицы (например, *li*), с другой – изменяемые энклитические формы личных и возвратного местоимений и служебных глаголов. Древнейшими изменяемыми энклитиками были местоименные – краткие формы местоимений 1–2 лица ед. ч. и возвратного в дат. п., а также краткие формы местоимений 3-го лица в вин. п.: старослав. *ми, ти, си; и, љ, ља, ља* (Вайан 1952: 410); очень рано стали энклитиками также формы вин. п. *ма, та, са, ны, вы* (Вайан 1952: 411–412; Зализняк 2008: 36–37). Формирование современных систем энклитик происходило в истории отдельных славянских языков. В большинстве из них произошло выравнивание системы местоименных энклитик, в результате которого в единственном числе все личные местоимения получили краткие формы в дат., вин. и род. п.,

¹ Закон Вакернагеля описывает именно синтаксическое поведение энклитик. Их статус просодических энклитик (безударных слов) реконструируется в рамках исторической акцентологии славянских языков.

В последнее время было показано, что словоформы, подчиняющиеся синтаксическим правилам, определяющим поведение энклитик во фразе, в отдельных языковых системах не обязательно являются безударными, поэтому принято различать фонетические и синтаксические энклитики (см. Зализняк 2008: 8; Циммерлинг 2012а: 7–8; ср. Толстая 2000: 143). Ниже под энклитиками, если не оговорено иное, понимаются именно синтаксические энклитики (в отвлечении от их реального просодического статуса).

² По классификации А.В. Циммерлинга закарпатские говоры относятся к W-системам, не имеющим «более грамматикализованного ограничения, чем механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во второй позиции от начала предикативной группы / предложения» (Циммерлинг 2012а: 23).

Работа выполнена в рамках проекта «Типология клитик и систем порядка слов с клитиками в синхронии и диахронии» программы Президиума РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики». Благодарю С. А. Николаева за ценные замечания при подготовке статьи.

в беспредложном употреблении являющиеся энклитиками; во множественном числе односложные косвенные формы дат., вин. и род. п. получили энклитические варианты, материально не отличающиеся от полнударных (таково положение в сербскохорватском, словенском, чешском, словацком, польском языках – Franks, King 2000: 28, 36, 98, 125, 150).

В настоящей статье рассматриваются инновации в системе энклитических форм местоимений, проведенные в некоторых закарпатских украинских говорах. Материалом служат полевые записи (МКЭ) и публикации расшифровок магнитофонных записей диалектных текстов (УЗГТ; РП³; Сабадош 2008; VPRVS).

1. Карпатоукраинские говоры не были затронуты общевосточно-славянским процессом утраты изменяемых энклитик. Развиваясь независимо, эти говоры расширяли систему энклитик и включали в нее новые формы, которые начинали подчиняться синтаксическим правилам поведения энклитик (Толстая 2000; 2012)⁴. К таким правилам относятся: стремление энклитик к началу предложения (точнее, клаузы – синтаксической составляющей, вершиной которой является глагол или связка⁵); «правило рангов», жестко определяющее их порядок между собой при объединении в блок (цепочку) (см. Зализняк 2008: 27; Циммерлинг 2012б: 9); «правило контактной постпозиции»: находясь после управляющего глагола, энклитика может быть отделена от него только другой энклитикой (см. Зализняк 2008: 25). Первые два правила в определенных условиях и определенных языковых системах могут допускать отклонения. Стремление энклитик к началу клаузы ограничивается «правилами барьеров» (см. Зализняк 2008: 47 сл.; Циммерлинг 2012б: 12–14). Ранги энклитик на протяжении истории могут меняться, и в период их смены оказываются допустимыми и старый, и новый их порядок – ср. (Толстая 1991); кроме того, в некоторых говорах в определенных точках системы

³ Запятая, употребляющаяся в этом издании в качестве знака мягкости, в цитируемых примерах заменена на апостроф.

⁴ В качестве примера приведем систему синтаксических энклитик центральнозакарпатского верховинского говора с. Синевир (энклитики сгруппированы по рангам): 1) формы глагола *boóti* ('быть') от основы аориста в сослагательном наклонении: *bim, bis', bisme, brste; boo*; 2) l-формы глагола *boóti* в составе формы плюсквамперфекта в сослагательном наклонении: *bool, boóla, boólo, boóli*; 3) формы 1–2 лица глагола *boóti* от презентной основы в составе форм перфекта и в качестве связки при именном сказуемом: (*ti*)m, (*i*)s', (*i*)sme, (*i*)ste (в зависимости от исхода предшествующего слова – *xodíw-im, xodíla-s', xodíli-sme*); 4) косвенные формы личных и возвратного местоимений: дат. *mi, ti, mu, jüj, si, nam, vam, (j)im*; вин./род. *n'a, t'a, yo, ji* (вин. также *ju*), (*s'a* – в сочетании с предлогами), *nas, vas, (j)lx*; 5) возвратное *s'a* (см. Толстая 2000; 2012: 195).

⁵ Уточнение понятия клаузы применительно к синтаксису энклитик см. (Зализняк 2008: 12–15).

«правило рангов» оказывается нестрогим – как, например, в некоторых гуцульских говорах (Толстая 2012: 207–208). Но «правило контактной постпозиции» в славянских языках является исключительно жестким. Так, даже в русском языке, где «из старых фразовых энклитик основного круга в литературном языке остаются только *же, ли, бы*» (Зализняк 2008: 267), частица *бы* в постпозиции к глаголу может быть отделена от него практически только частицами *ли* и *же*⁶.

Следовательно, именно «правило контактной постпозиции» может быть использовано как диагностическое: в постпозиции к управляющему глаголу словоформа, отделяющая от глагола заведомую энклитику, должна быть также признана энклитикой.

Заметим, однако, что возможность определения энклитик по «правилу контактной постпозиции» в нормальном случае ограничена «правилом рангов»: чтобы энклитика могла вклиниться между управляющим глаголом и другой энклитикой, последняя должна обладать большим рангом: $V + e^m + e^n$, где $n > m$. По общей закономерности ранговой организации энклитик в карпатоукраинских говорах глагольные энклитики предшествуют местоименным: $e_{verb} + e_{pron}$ (Толстая 2012: 195–197). Поэтому для выяснения энклитического статуса конкретных местоименных форм в данном случае оказываются релевантными лишь контексты вида $V + e_{1pron} + e_{2pron}$, где e_{2pron} – «заведомая» местоименная энклитика, указывающая на энклитический статус местоименной формы e_{1pron} . Такими «заведомыми» энклитиками будем считать краткие формы личных местоимений, имеющие полные (неэнклитические) соответствия (типа *ми при мени, го при його; ся при себе*). Практически в абсолютном большинстве случаев мы имеем дело с конструкциями с возвратным *ся*.

Таким образом, ниже рассматриваются конструкции с постпозицией энклитик к управляющему глаголу.

2.1. В верховинском говоре с. Синевир Межгорского р-на как энклитики регулярно употребляются сочетания кратких форм местоимений с предлогами (формы 1 и 2 л. ед. ч. и возвратного мест. в вин. и род. п.: *n'a, t'a, s'a*) (см. подробнее Толстая 2012: 199), например:

ta im'ila do n'a s'a n'aras 'и она <болезнь> сразу ко мне прицепилась'
Nó, napríklat, rozdér u t'a s'a svéter 'Ну, например, порвался у тебя свитер'

⁶ В НКРЯ среди фраз с начальным глаголом находим только два примера-исключения (из 179): *Мог я бы добавить, что очистит Байкал будет труднее*. [Владимир Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем», из дневников 1941–1974 гг. (2002)]; — *Заступился я бы за тебя, Анна Константиновна, да ведь надо слово просить?* [М. М. Пришвин. Дневники (1918)]. Эти примеры, не кажущиеся вполне естественными «на русское ухо», оказываются знаменательными для нашего дальнейшего изложения (ср. п. 3).

В опубликованных текстах из других закарпатских говоров примеры таких сочетаний в постпозиции к глаголу не встретились, но сами эти сочетания широко употребляются. В верховинском говоре с. Біласовиця Воловецкого р-на их место в цепочке такое же, как в синевирском говоре, – ср. в препозиции к глаголу: *да́коли йак на́ н'а с'а ўбэ́рне* ‘иногда как на меня обернется’ (УЗГТ: 122). В других говорах, однако, сочетания кратких форм местоимений с предлогами в блоке энклитик располагаются правее возвратного *ся*:

поча́лі с'а до́ н'а їма́ти ўс'а́кі хвороты́ ‘начали ко мне цепляться всякие болезни’ (ужанск., Худльово Ужгородск., УЗГТ: 46)

ко́лі с'а на́ н'а ўбэ́рне ‘когда на меня обернется’ (ужанск., Пузняківці Мукачевск., УЗГТ: 61)

Ўні са́ на́ н'а за́чудо́вали ‘они удивились мне’ (ужанск., Ковбасов, РП: 96)

Ўні са́ на́ н'а prize'раву́т ‘они за мной наблюдают’ (там же)

že by z'me s'a s' t'a ne smi'jali ‘чтобы мы над тобой не смеялись’ (лемковск., Маківці, РП: 219)

d'ido tak s'a z n'a ходи́ў с'м'івучи́ ‘дед так надо мной смеялся (букв. ходил смеясь)’ (боржавск., Иршава Иршавск., УЗГТ: 85)

... ta dúže s'a na n'a рос:э́рдила ‘... то очень на меня рассердилась’ (мараморошск., Колодне Тячевск., УЗГТ: 156)

При конечной позиции в цепочке энклитический статус сочетаний кратких форм местоимений с предлогами формально не может быть проверен. Однако эти сочетания следует признать энклитиками на том основании, что они соответствуют полным ударным формам (*на мене, до тебе, за себе* и т. п.) и никогда не употребляются в начале клаузы.

2.2. В синевирском говоре отмечен пример употребления как энклитики формы творительного падежа ед. ч. местоимения 3 л. муж. р. *ntt: piše ntt s'a* ‘им пишется’ (о карандаше) (см. Толстая 2012: 197).

3. Закарпатской инновацией является возможность употребления как энклитик личных местоимений в именительном падеже, т. е. в функции подлежащего. Такие примеры единично отмечаются в боржавских, ужанских и мараморошских говорах (а также в лемковских говорах на территории Словакии):

лиши́ла йа с'а ис пы́ска́тоў нив'істо́у ‘осталась я с языкастой невесткой’ (боржавск., Сасово Виноградовск., УЗГТ: 108)

ка́жу йа йо'му́ / чолов'і́че / не'бо́ре / лиші́ ты с'а суди́ны ‘оставь ты в покое посуду’ (боржавск., Голубине Свалявск., УЗГТ: 66)

Rodíla-m ja s'a tí's'iču divicsót trijcit' tré'tojo rōku (боржавск., Керецки Свалявск., запись 1990 г., МКЭ)

покло|ниў̆ ѱа с'а 'поздоровался я' (мараморошск., Сокирница Хустск., Сабадош 2008: 448, 452)

диў̆л'у ѱа с'а 'смотрю я' (там же: 451 [3×], 455)

кажу ѱа му 'говорю я ему' (там же: 457)⁷

жа|л'іву ѱа її tunір' дўже 'жалею я ее теперь очень' (ужанск., Волосянка Великоберезнянск., УЗГТ: 119)

ta |vže z'me sa nas't'aho'vali tu do хуš || no | nas't'aho'vav ja sa 'и уже мы переселились сюда в дом; ну, переселился я' (ужанск., Улічне Криве, РП: 71)

за|brav ja sa 'ушел я' (ужанск., Улічне Криве, РП: 81 [2×], 83; Звала, РП: 200)

povidala ja ti 'говорила я тебе' (в песне – Šemetkovce, Stakčianska Roztoka, VPRVS: 277, 280, 281; наряду с *povidala jsem ti* в той же песне)

taj dal ja mu (лемковск., Мироля, РП: 233)

С системной точки зрения представляют интерес такие примеры в перфектных конструкциях. В закарпатских говорах употребление личных местоимений в роли подлежащего в перфекте подчиняется правилу, сформулированному А. А. Зализняком для древненовгородского диалекта: «если употреблено местоимение-подлежащее, связка 1-го или 2-го лица опускается» (Зализняк 2008: 247)⁸ (связки 3-го лица в карпатоукраинских говорах отсутствуют). Таким образом, обычны двучленные конструкции типа *я прийшов* и *прийшов-ем*, *вы ся бояли* и *бояли-сте ся*, но, как правило, не трехчленные типа **я-м прийшов*, **вы сте ся бояли*⁹. Личное местоимение и связка в этих конструкциях изофункциональны как выражение грамматической категории лица и взаимозаменяемы; это является системным основанием возможности употребления личного местоимения как энклитики на месте связки.

Смысловая эквивалентность личных местоимений и связок давно отмечалась для древнерусского языка (Соболевский 1907: 241; Горшкова, Хабургаев 1981: 312; Зализняк 2008: 240). По заключению А. А. Зализняка, «поскольку связки – это в нормальном случае энклитики, а личные местоимения – акцентно самостоятельные словофор-

⁷ Ср. также: *г'і|бы ѱа с'а н'іч не" рузу|мів* 'чтобы я ничего не соображал' (там же: 48).

⁸ Исключением является ужанский говор с. Ковбасова (см. ниже, п. 4).

⁹ Отдельные примеры трехчленных конструкций отмечены в боржавских говорах с. Керецки и Березники Свалявского р-на – ср. выше пример из Керецков, а также *Nó pak ščo vat rosказати pro vod'aniká, ja túl'ko-m čula, ščo prikázovali žоны...* 'Ну что вам рассказать про водяного, я только слышала, что говорили женщины' Березники (магнитофонные записи 1990 г. [МКЭ]).

мы, противопоставление связок и местоимений в парах *есмь* – *язь*, *еси* – *ты* и т. д. получает характер просодического противопоставления энклитических и полноударных вариантов одних и тех же функциональных единиц» (Зализняк 2008: 240). А.А. Зализняк привел примеры древнерусских фраз, где местоимение заменяется связкой в конструкциях с личными формами глагола: *тотъ есме погибохомъ* (Ипат. [1175], л. 207 об.), *а жены не видѣль еси боудешь въ снѣ* (Вопр. Кирик., Саввино 17), *купилъ есми на торгу, а того жъ есми не знаю, оу кого купилъ* (Пск. судн. гр., ст. 46), *повестуюю, что есмь нынѣ на дорогу ехати хоцю* (Пск. 3 лет. [1473]), *чтобы мнѣ о томъ на васъ не бѣлъ челомъ, о чомъ есте ходите не по крестному челованью* (Рев. арх., № 27, 1530 г.) (Зализняк 2004: 179).

Карпатоукраинские примеры, как видим, показывают зеркальный по отношению к древнерусскому результат изофункциональности личных местоимений и связок. Встраиваясь в систему энклизы личных местоимений, полноударные односложные формы местоимений им. п. обзаводятся энклитическими вариантами подобно односложным формам косвенных падежей мн. ч. *нас*, *нам*, *вас*, *вам*, *их*, *им*. При этом ударные формы им. п. личных местоимений, как и в древнерусском, противопоставляются связкам по принципу «полноударная форма – энклитика», а безударные формы полностью уподобляются связкам-энклитикам, занимая их место в блоке перед другими местоименными энклитиками.

Такие примеры встречаются наряду с примерами другого линейного порядка (в том числе в одном и том же говоре, ср. говор с. Сокирница):

но, ротѣ'у с'а ја за д'ідот Вѣуи ‘ну, помолюсь я о деде Богу’ (верховинск., Синевир Межгорск., МКЭ)

кѣ'л'ко с'а ѡа помнѣ'у ‘сколько я себя помню’ (боржавск., Сасово Виноградовск., УЗГТ: 110)

Журѣ'ся я, як ѡдти изѡйти ‘беспокоюсь я, как оттуда сойти’ (боржавск., Ильница Иршавск. [запись И. Верхратского конца XIX в.], УЗГТ: 196)

верну'ю с'я тѣмка за голово'у ‘вернулся я туда за головой’ (там же)

дочѣкалас'а ѡа / дѣки приишѣ'у по'йїзд ‘дождалась я прихода поезда’ (ужанск., Перечин, УЗГТ: 33)

При'силовас'а ѡа по'малы доко'пати тот шанц ‘Заставил я себя постепенно докопать эту канаву’ (мараморошск., Сокирница Хустск., Сабадош 2008: 285)

пѣст'рѣилис'а мы ‘построились мы (встали в строй)’ (там же: 457)

4. Ужанский говор с. Ковбасова в восточной Словакии показывает систему, по-видимому, далеко продвинувшуюся по пути энклитизации

личных местоимений им. п. Примеры употребления односложных личных местоимений как энклитик в этом говоре совершенно регулярны¹⁰:

– с возвратным *ся*:

ḍav ja sa d roʹbutnikum ‘подался я к работникам’ (94)

prizeʹrav ja sa ‘присматривался я’ (95, 96 [2×])

popriʹzerav ja sa do kalendaʹrʹa ‘поглядел я в календарь’ (118)

napiʹsav ja sa ʹladʹislav ‘записался я Ладиславом’ (95)

ḍprošu ja sa nih ja ka roʹbota ‘спрашиваю я их, какова работа’ (?) (96)

naʹposʹtʹid doʹbiv ja sa tud do kovbaʹsova ‘наконец добрался я сюда в Ковбасов’ (131)

i naʹjiv ja sa ‘и я наелся’ (143)

ʹzvezli my sa do ʹhrabovca ‘поехали мы в Грабовец’ (110)

– с возвратной энклитикой дат. п. *си* ‘себе’:

naʹšov ja si tam tolmaʹča ‘нашел я себе там переводчика’ (102)

ʹstav ja si ʹzboku ‘встал я себе в сторонке’ (116)

ʹvpxav ja si toʹto do keʹšenʹi ‘запихнул я себе это в карман’ (117)

kuʹpiv ja si ʹlošku i ʹvilky ‘купил я себе ложку и вилку’ (100)

kuʹpiv ja si oxranu | pišʹtoʹlu ‘купил я себе «охрану», пистолет’ (121)

регулярно в выражении *ḍumav ja si* ‘думал я себе’ (95, 98, 101 [2×], 102 [2×], 115, 126)

– с местоименными энклитиками 3-го лица:

no ne ʹhvariv ja juj za koʹruny ʹnič ‘но я ей о кронах ничего не говорил’ (113)

priʹvʹiv vun ho do kovaʹča ‘привел он его к кузнецу’ (180)

В позиции энклитики могут употребляться аллегривые фонетически односложные формы местоимений ‘она’, ‘они’:

ḍuʹznala ʹvna sa | že ʹja ʹmav ʹhrošu ‘она дозналась, что у меня были деньги’ (96)

rosstuʹpili ʹvni sa ‘они расступились’ (96)

Наконец, встретился пример употребления в позиции энклитики местоименного наречия *там*:

ḍpravda | plaʹtilo tam sa ʹdobri ‘правда, там хорошо платили’ (97)

¹⁰ Материал приводится по (РП); в скобках указан номер страницы.

В говоре Ковбасова часты также трехчленные конструкции в перфекте:

no na |kul'ko ja |vid'iv-em | že |bida 'но поскольку я видел, что беда' (94)

doky my z'me zara|bl'ali 'пока мы зарабатывали' (95)

no a |ja |byv-em |xlob molo'dyj 'ну а я был молодой парень' (96)

ja |tam-em zaro|biv 'я там заработал' (97 [2×])

ta my z'me sa zy|šli v |transpor't'i 'и мы встретились в транспорте' (102)

my z'me ot |toho |byli da|leko 'мы от этого были далеко' (106)

my z'me |mali nedo|statok pi'n'azi 'у нас был недостаток в деньгах' (119)

|joj my do|br'i z'me ne |podu|rili | poput |stul sa poxo|vali 'ой, мы чуть с ума не сошли, спрятались под стол' (131) и др.

5. Выше были рассмотрены конструкции с начальным глаголом и местоимением-подлежащим в постпозиции к нему, употребленным как энклитика. С точки зрения актуального членения предложения и фразовой просодии конструкции такого типа в современном русском языке включаются в класс предложений с «вакернагелевской темой» (атонической темой, располагающейся после первого ударного слова во фразе, см. [Янко 2001: 79])¹¹. Атоническая тема произносится «на ровном тоне, в аллегровом темпе и без пауз» (Янко 2008: 59); односложные личные местоимения-подлежащие в роли такой темы фактически безударны. Таким образом, тенденция к безударности местоимения-подлежащего в некоторых фразовых позициях (в частности, в контактной постпозиции к глаголу) обычна для восточнославянских языков. Рассмотренные закарпатские говоры, обладая грамматической системой энклитик, логично встраивают в нее и безударные местоимения-подлежащие. При этом в отдельных закарпатских говорах в блоке энклитик эти формы могут располагаться левее других местоименных энклитик, т. е. оказываются старше них рангом. В других случаях и в остальных говорах, по-видимому, местоимения-подлежащие также могут вести себя как синтаксические энклитики (последнего ранга), однако из-за их расположения в самом конце цепочки энклитик и отсутствия противопоставления кратких и полных форм их статус не может быть проверен. Синтаксическое поведение местоимений-подлежащих в закарпатских говорах требует дальнейшего изучения.

¹¹ О фразовой просодии и коммуникативных свойствах конструкций с начальным глаголом типа *Посадил дед пенку* см. (Падучева 2012: 479).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Зализняк 2008 – *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- МКЭ – Материалы карпатских экспедиций Института славяноведения РАН.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – <http://www.ruscorgpora.ru>.
- Падучева 2012 – *Падучева Е. В.* Порядок слов и фразовая просодия: инверсия в теме // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 473–485.
- РП – *Лешка О., Шішкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини. New York; Praha; Київ, 1998.
- Сабадош 2008 – *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Соболевский 1907 – *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Толстая 1991 – *Толстая М. Н.* Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо: Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.
- Толстая 2000 – *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балтославянские исследования 1998–1999. [Вып.] 14. М., 2000. С. 134–143.
- Толстая 2012 – *Толстая М. Н.* Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Вып. 2. 2009–2011. М., 2012. С. 192–210.
- УЗГТ – Українські закарпатські говірки: Тексти / Упор. та передм. О. Ф. Миголинець, О. Д. Пискач. Ужгород, 2004.
- Циммерлинг 2012a – *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3–38.
- Циммерлинг 2012b – *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3–37.
- Янко 2001 – *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко 2008 – *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Franks, King 2000 – *Franks S., King T. H.* A Handbook of Slavic Clitics. New York, 2000.
- Jacobson 1935/1971 – *Jacobson R.* Les enclitiques slaves // *Jacobson R.* Selected Writings. The Hague, 1971. Vol. 2. P. 16–22.
- VPRVS – *Šišková R., Mušinka M., Hrušovský J.* Vyprávění a písně Rusínů z východního Slovenska. Jihokarpatská ukrajinská nářečí v autentických záznamech. Praha, 2009.